

их мужей. Но и там новые отношения между девушкой и ее новыми родственницами — как замужними, так и незамужними сверстницами и их подругами — складывались достаточно быстро. Сверстниц объединяли не только общие интересы, разговоры, но и обязанности в семьях. С возрастом эти обязанности изменялись. Девушка становилась молодой, затем — зрелой женщиной и, наконец, старухой. Переход в каждую возрастную группу сопровождался изменениями в костюме, причёске, поведении, а следовательно, и в статусе женщины. Сверстницы одновременно переходили в следующую возрастную группу и сохраняли свою сложившуюся еще в раннем возрасте общность одного биологического и социального возраста до конца жизни.

2.4. Специфика семейного статуса девочки и девушки

Из вышеизложенного видно, что семейный статус девочки не был ниже статуса мальчика. Это подтверждается и тем, что незамужняя девушка в доме своих родителей сидела на почетном месте *төр* рядом с главой семьи и почетными гостями либо на правой гостевой стороне (*оң жақ*). Нарушение этой традиции, по представлениям казахов, могло принести несчастья в семью (ПМА, 1998, 2006). Как отмечал А. Диваев: «На девицу смотрят как на равноправного члена семьи с мальчиками и отдают ей должное почтение и, вообще, уважают ее» (Диваев 1922: 132).

Семейный статус девочки и девушки имел свои особенности, связанные в первую очередь с половой принадлежностью ребенка, а значит, и с разными социальными ролями, которые выполняли мальчики и девочки в обществе и которые им предстояло выполнить в будущей жизни. Мальчики должны были стать защитниками своей семьи, наследовать хозяйство и имущество своего отца, стать продолжателями его рода. А девочкам предстояло получить хорошее воспитание и покинуть семью своих родителей, выйти замуж, стать достойной женщиной и не опорочить имя своих родителей перед новыми родственниками.

Как уже говорилось, первоначальный предписанный статус женщины в традиционной культуре определялся положением в обществе семьи ее родителей. С этим статусом девушка выходила замуж. Если невеста была из состоятельной, уважаемой семьи, сама отличалась достойным поведением, то она могла рассчитывать на хорошую брачную партию. Этот первоначальный, определяемый семьей родителей

статус влиял и на отношение к девушке родственников мужа, которые прекрасно понимали, что если за девушкой стоит многочисленная, состоятельная и уважаемая родня, то в случае какого-либо конфликта она может вступить за ее права и тогда этот конфликт перерастет в противостояние двух семейно-родственных групп или целых родов.

Мужа для девушки, как правило, выбирала ее семья. Кроме того, девушку могли выдать замуж по распространенному у казахов обычаю сорората (*балдыз алу*), когда мужчина женился на «балдыз» — незасватанной сестре или родственнице своей умершей супруги. Кажущееся отсутствие свободы девушки в выборе своей судьбы объясняется традиционным взглядом на брак у казахов. Брак рассматривался не просто как союз мужчины и женщины, а как способ регламентации социальных отношений между двумя семьями, семейно-родственными группами, родами. От того, как и с кем будет заключен брачный союз, зависели будущие отношения целых коллективов. И справедливости ради следует отметить, что большинство девушек, воспитанных по традиционным нормам жизни, с пониманием относились к выбору родителями для них брачного партнера.

Но сердцу не прикажешь. История знает много примеров несчастной и безответной любви, разлук и потерь. Девушки, пережившие влюбленность еще до брака, вынужденные после замужества разлучиться с любимым, всю свою жизнь сохраняли память о первой любви. Чтобы избежать этого, родители старались как можно раньше выдать девушку замуж или, по крайней мере, заключить предварительное соглашение о браке (*айттыру*).

Обычай умыкания невест — *қыз алып қашу* (который иногда носил полуформальный характер) — и заключения брака без согласия не только девушки, но и ее родителей нередко становился источником жестоких межродовых столкновений и последующей судебной тяжбы, особенно если девушка была уже засватана за другого. Закон, как правило, оказывался на стороне представителя более сильного и влиятельного рода, которым практически всегда оказывался мужчина. Жених мог пойти на такой риск, только заручившись поддержкой своей родни. Поводом к похищению избранницы могло быть и желание во что бы то ни стало заполучить понравившуюся девушку и показать окружающим свою удачу. Нередко оправданием такого поведения мужчины, как и основанием к заключению брака с несовершеннолетней, становилась отсылка к обычаю сорората, когда «овдовевший» жених, боясь, что сестру умершей невесты отдадут другому, шел на похищение даже малолетней девочки, которая по достижении половой зрелости становилась

женой своего похитителя. Но это происходило только в том случае, если достигалось взаимопонимание между двумя родами, в противном случае девочку возвращали родителям.

Для европейского человека обычай похищения девушек являлся квинтэссенцией бесправного положения казашек. Но с точки зрения самих казахов (при том, что мнение девушки при выборе брачного партнера не учитывалось), адат все же предусматривал необходимость урегулирования конфликта, вызванного похищением, а следовательно, и возмещение морального и физического ущерба семье похищенной девушки. Традиционные стереотипы достойного поведения женщины сказывались в том, что многие девушки после похищения считали позором для себя возвращение в дом родителей и предпочитали остаться в новой семье (более подр. об обычае умыкания см.: Арғынбаев 1973: 159–165; Арғынбаев 1975: 70–76).

Следуя нормам адата, отец до совершеннолетия своих детей имел полное право распоряжаться их имуществом. Полноправным хозяином сын становился только после того, как отец выделял его в самостоятельное хозяйство. Девочки же, в отличие от мальчиков, не имели даже в перспективе взросления прав на владение личным имуществом. Приданое, которое собирала для девушки ее семья, сразу после брака поступало в полное распоряжение мужа и его родни, равно как и имущество (*енши*), выделяемое родителями молодой жены после рождения у нее первого ребенка или при первом посещении дома родителей.

Если отец умирал, а мать не выходила повторно замуж, то обычно (а в случае смерти обоих родителей — обязательно) детям определялись опекуны из родственников отца (в крайнем случае из назначаемых посторонних лиц), которые временно распоряжались имуществом, оставленным их родителями. Исходя из этого имущества, опекуны выделяли в самостоятельное хозяйство взрослых сыновей умершего, назначали калым за его дочерей и собирали для них приданое (Алекторов 1891, № 33).

Как известно, основной формой традиционного брака у казахов являлась женитьба посредством сватовства (*құда түсу*) и выкупа невесты за калым (*қалыңмал*). Обычно калым носил натуральный характер. Величина его зависела от социального и имущественного положения семей жениха и невесты, а также от личных качеств, достоинств самой невесты. Решив породниться, родители будущих супругов договаривались о размере калыма и о сроке его выплаты. Калым мог состоять из большого стада или из нескольких голов скота.

Обычай сватовства детей в младенческом возрасте (*бесік кұда*) не учитывал личного желаяния молодых людей вступить в брак. Помимо того что «колыбельное сватовство» рассматривалось как символический союз двух семей, этот обычай имел и сугубо экономическое объяснение. Сватовство детей в раннем возрасте облегчало выплату калыма, в частности позволяло выплачивать его постепенно.

Приданое для девушки (*жасау*), так же как и калым, готовили заранее. Размер приданого зависел от имущественного состояния отца невесты, от договора между семьями будущих супругов. Богатое приданое включало большое количество нарядов для молодой жены, постель, посуду, ковры, текеметы, скот, новую юрту для молодоженов (см., напр.: Востров 1956: 36–37). Но после замужества в личном пользовании жены оставалась только ее одежда и постель, которые в случае развода и при согласии мужа женщина имела право забрать с собой при возвращении в семью своего отца.

В традиционном обществе выплата калыма не рассматривалась как унижающая женщину сделка. Это был функциональный экономический и социальный институт, подтверждающий связь двух семейно-родственных групп. Кроме того, приданое девушки часто уравновешивало цену выплаченного за нее калыма, а иногда в богатых семьях даже превышало его. Размер калыма был еще и показателем престижа семьи невесты: чем лучше воспитана девушка, чем она красивее, чем достойнее ее род, тем больше и калым. Калым поступал в полное распоряжение отца невесты и сливался с его имуществом. Но бывали случаи, когда часть уплаченного калыма переходила в приданое невесты. Это происходило, если семья невесты была не в состоянии подготовить для нее достойное приданое. Такая передача скота или подарков от семьи к семье рассматривалась как ситуация унижительная, в первую очередь для самой невесты и ее родителей.

После уплаты части калыма жених имел право посещать невесту. Иногда первое официальное посещение (*ұрын бару*) было и первым знакомством будущих супругов. В источниках говорится о том, что уже в это время жених мог оставаться на ночь в ауле невесты (Алтынсарин 1870б: 111; Востров 1956: 37) и после первого открытого посещения, еще до бракосочетания, достаточно часто навещал ее. Эти визиты назывались *қалыңдық ойнау* (Плотников 1870а: 129) — «встреча (букв.: игра) с невестой». Если жених с невестой были знакомы, то еще до первого официального посещения женихом аула ее родителей, после урегулирования всех вопросов, связанных со сватовством, жених тайно приезжал к девушке и встречался с нею (Плотников 1870а:

128–129). Эти тайные ночные свидания (*жасырын келу*) устраивали снохи семьи невесты, которые часто силком приводили невесту на встречу к жениху, получая за это от него подарок. Подобные встречи обычно происходили в юрте старшего женатого брата девушки. (Об особенностях свадебной обрядности казахов см. также: Лазаревский 1862; Диваев 1900 и др.).

Вопрос о добрачных сексуальных отношениях невесты и жениха остается спорным, сведения очень противоречивы. Авторы XIX — начала XX века в своих описаниях быта и нравов казахов практически не раскрывают эту тему. Известно, что целомудренности невесты в традиционном обществе придавали большое значение. Жених, убедившийся в первую брачную ночь в порочности невесты, мог потребовать у ее отца возврата калыма, а саму девушку вернуть в семью. Иногда жених требовал от отца незадачливой невесты либо вернуть калым, либо отдать ему другую незасватанную дочь. В таком случае честь невесты оказывалась опороченной на всю жизнь. Подобного положения вещей старались не допустить, так как такую девушку замуж выдать было практически невозможно, а тем более получить за нее достойный калым. Обычно, если жених предъявлял претензии, отец невесты предпочитал заплатить штраф — *айып* в размере 40 кобылиц — или вернуть половину уже полученного калыма, чтобы сохранить договоренность о браке своей дочери и избежать скандала (см.: Диваев 1900: 20). Самым страшным позором считалась беременность и рождение ребенка девушкой в доме родителей. Этого старались избегать всеми возможными способами. Даже если девушка беременела от своего жениха, то сам этот факт старались скрыть и ускорить процесс заключения официального брака, даже с потерей части неуплаченного ее женихом калыма.

Нормы обычного права не столько защищали честь самой девушки, сколько были направлены на защиту интересов всех членов семейно-родственной группы. Семья невесты могла обвинить жениха в том, что он насильственным образом принудил невесту к сожительству еще до официального заключения брака. В таком случае, как отмечают авторы-составители сводов адата, жениха с позором отправляли домой, лишая невесты и уже уплаченного калыма, подвергая насмешкам и телесным наказаниям (ЦГА РК, ф. 4, оп. л., д. 2798, л. 60–68, 80; Лазаревский 1862, № 151 и др.). Родители оговоренной девушки могли прибегнуть к присяге, чтобы доказать ее невинность. Жених сам выбирал двух представителей семейно-родственной группы невесты, которые в присутствии бия заверяли жениха и его семью

в целомудрии девушки. Если же жених настаивал на порочности невесты, то он также мог попросить двух своих родственников под присягой заверить его слова. И если заявление жениха признавалось безосновательным, то он обязан был заплатить штраф за попытку обесчестить семью невесты. В случае если семья поруганной девушки была уважаемой и знатной, то она могла потребовать даже смертной казни жениха за оскорбление, нанесенное всем родственникам невесты (ЦГА РК, ф. 4, оп. л., д. 2798; Степной закон... 2000: 29). Такие громкие дела, как правило, решал суд биев. Однако чаще всего семейные дела решались мирно, все спорные вопросы урегулировались путем уплаты штрафов. Если семьи молодых людей были заинтересованы в заключении брачного союза, то даже в случае оболыщения девушки родители молодых людей находили выход из создавшейся ситуации, договариваясь на взаимовыгодных условиях заключить брак и предотвратить возможный скандал.

В ряде источников приводятся сведения о большом значении, придаваемом целомудрию невесты, однако некоторые авторы XIX века все же отмечали возможность добрачных сексуальных связей среди казахской молодежи (П... 1878: 23). Главное условие такой связи состояло в том, чтобы девушка до брака не родила ребенка. И в этом отношении большая роль отводилась старшим женщинам семьи, которые обучали девушек элементарным навыкам народной медицины по предотвращению нежелательной беременности. К тому же добрачная связь допускалась только между молодыми людьми одного аула. Считалось большим позором, если девушка начинала встречаться с молодым человеком из другого аула и тем более из другого рода (П... 1878: 23). Напомню, что казахи строго придерживаются экзогамного брачного барьера. Но в случае добрачных связей казахи, наоборот, «предпочитали» вступать во взаимоотношения исключительно со «своими», что, по-видимому, объясняется тем, что от такой связи не должен был появиться ребенок, а значит, и экзогамный барьер становился необязательным.

Нетрудно заметить, что, несмотря на то что социальный статус девушки в своей семейно-родственной группе был достаточно высоким, по крайней мере не ниже юношей, ее экономический статус был максимально низким — она не владела, в отличие от мужчин (юноши до совершеннолетия уже были потенциальными собственниками имущества отца), личной собственностью, а следовательно, не обладала экономической свободой и независимостью, находясь в полном подчинении у своей семьи.